

«Известная должность»:
жизнь и «служба» фаворита
при дворе Екатерины II в конце XVIII в.

Игорь В. Курукин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, kurukin@mail.ru*

Аннотация. В данном сообщении предпринята попытка рассмотреть повседневную деятельность последнего фаворита Екатерины II П.А. Зубова. Комплекс опубликованных источников (писем императрицы, камер-фурьерских журналов и мемуаров современников) и архивных материалов из фондов РГАДА и РГИА позволяет охарактеризовать как обязанности Зубова при дворе в качестве генерал-адъютанта и одного из ближайших к императрице лиц, так и его неформальные занятия. Последние же были связаны прежде всего не с его официальными должностями, а с ролью влиятельного посредника, канала неофициального общения подданных с верховной властью. Однако эта же деятельность не превращала фаворита в правителя, а, скорее наоборот, делала его исполнительным чиновником в рамках уже существующего механизма канцелярии статс-секретарей.

Ключевые слова: императорский двор, фаворит, Екатерина II, П.А. Зубов

Для цитирования: Курукин И.В. «Известная должность»: жизнь и «служба» фаворита при дворе Екатерины II в конце XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 10. С. 41–58. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-41-58

“Notorious position”: life and “service” of the favorite
at the court of Catherine II in the late 18th century

Igor' V. Kurukin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurukin@mail.ru

Annotation. This report attempts to examine the daily activities of the last favorite of Catherine II, P.A. Zubov. The complex of published sources (letters of the Empress, chamber-Fourier journals and memoirs of contemporaries) and archival materials from the funds of the RGADA and RGIA (RSHA) allows us to characterize both Zubov's duties at court as an adjutant General and one

of the closest persons to the Empress, as well as his informal activities. The latter were connected primarily not with his official positions, but with the role of an influential intermediary, a channel of unofficial communication between subjects and the Supreme power. However, the same activity did not turn the favorite into a ruler, but rather, on the contrary, made him an Executive official within the existing mechanism of the office of state secretaries.

Keywords: Imperial court, favorite, Catherine II, P.A. Zubov

For citation: Kurukin, I.V. (2020), “‘Notorious position’: life and ‘service’ of the favorite at the court of Catherine II in the late 18th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 41-58, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-10-41-58

Введение

Данная работа посвящена феномену фаворитизма – явлению, свойственному европейским монархиям эпохи “ancient regime”, в том числе и России, в качестве неформального, но важного рычага в системе власти. Последний фаворит Екатерины II Платон Александрович Зубов (1767–1822) – фигура не выдающаяся, однако персонажи второго ряда в силу своей ординарности позволяют лучше понимать устройство механизма самодержавной монархии, деталью которого они являлись. Интересен же он тем, что в определенном смысле завершал эволюцию института фаворитов в направлении от влиятельного, хотя и теневого, советника, подобного Э.И. Бирону при Анне Иоанновне или И.И. Шувалову при Елизавете Петровне, к придворному кавалеру и помощнику-секретарю.

Судьба 22-летнего караульного секунд-ротмистра Конной гвардии решилась в конце июня 1789 г. Только что произошел разрыв отношений императрицы с прежним любимцем А.М. Дмитриевым-Мамоновым, и пунктуальный статс-секретарь А.В. Храповицкий записал в дневнике, что офицер был приглашен к государыне, а с 22 числа «начал по вечерам ходить через верх» – что на языке того времени означало вступление в «должность» нового императорского любимца¹. 26 июня его появление на обеде у государыни впервые отметил официальный дневник придворных событий – камер-фурьерский журнал. 4 июля вышел указ о пожаловании

¹ Екатерина II. Искусство управлять. Александр Васильевич Храповицкий, Адриан Моисеевич Грибовский, Рожер Дама. М., 2008. С. 162–163.

Платона Зубова «в полковники и в флигель-адъютанты». 3 октября он же, с согласия Потемкина как шефа Кавалергардского корпуса, стал кавалергардским корнетом с чином генерал-майора – т. е. занял пост фактического начальника личной охраны императрицы.

6 июля Екатерина отправила Потемкину рекомендательное письмо самого фаворита и по-дружески пояснила: «А без сего человека, вздумай сам, в каком бы я могла быть для здоровья моем фатальном положении»². Публике же была озвучена более возвышенная причина сделанного выбора: «Я делаю и государству немалую пользу, воспитывая молодых людей». «Испытательный срок» молодой человек выдержал успешно, поскольку соответствовал данным государыней правилам, «а именно: быть верен, скромн, привязан и благодарен до крайности»³. В письмах Потемкину Екатерина не раз повторяла, что он «привязан к ней до крайности»; к тому же ведет себя скромно, не «балует» и отличается не по возрасту «похвальным поведением». Обладавшая отменным здоровьем 60-летняя государыня (она собиралась царствовать «в памяти» до 80-ти лет) стала сдавать: «...кашель у меня, и грудь и спина очень болят. Я два дни лежала на постеле, думала перевести все сие, держась в испарине, а теперь слаба и неловко писать. Твой корнет за мною ходит и такое попечение имеет, что довольно не могу ему спасибо сказать», – писала она Потемкину в сентябре 1790 г.⁴

Помимо «попечения», Платон Александрович – стройный брюнет с большими черными глазами – обладал нужными манерами, звонким, приятным голосом и соответствовал «типажу» любимцев государыни: был «худощав, прекрасно сложен и с правильными чертами лица» – на профессиональный взгляд художницы Мари Виже-Лебрен⁵. Даже недоброжелательные по отношению к нему современники отмечали, что Зубов «очень хорошо говорил по-французски; он получил некоторое воспитание, обнаруживал гибкий и образованный ум, немного рассуждал о литературе и музицировал» на скрипке⁶.

Так начался «случай» последнего из фаворитов долгого царствования. Пунктуальная Екатерина сформулировала суть отношений с любимцем: он – не правитель при слабой женщине, а спутник-

² Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка 1769–1791. М., 1997. С. 358.

³ Там же. С. 360.

⁴ Там же. С. 436

⁵ Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве, 1795–1801. СПб., 2004. С. 67.

⁶ *Массон III*. Секретные записки о России. М., 1996. С. 63; Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 75, 94.

собеседник в часы отдыха. «...Как необходимо надобно для жизни и здравия время отдохновения, то сии часы тебе посвящены, а прочее время не мне принадлежит, но империи, и буде сие время не употреблю, как должно, то во мне родится будет на себя и на других собственное мое негодование», – объясняла она в 1776 г. предшественнику Зубова Петру Завадовскому его место⁷.

С Зубовым как будто вышло иначе. *Карьера безвестного до того гвардейца круто пошла вверх*. К концу царствования титул 28-летнего фаворита выглядел так:

Светлейший князь, генерал-фельдцейхмейстер, над фортификациями генерал-директор, главноначальствующий флотом Черноморским и Азовским и Черноморским казачьим войском, генерал-адъютант, кавалергардского корпуса шеф, Екатеринославский, Вознесенский и Таврический генерал-губернатор и орденов России св. апостола Андрея, св. Александра Невского, св. равноапостольного князя Владимира I степени; королевских прусских Черного и Красного орла, польских Белого орла и св. Станислава и великокняжеского голштинского св. Анны кавалер.

К этому перечню можно добавить звания «почетного благотворителя императорского воспитательного дома» и «почетного любителя» Академии художеств⁸.

Внушительный перечень обязанностей как будто должен говорить о повседневной загруженности делами управления. Однако ни в артиллерии, ни во флоте (который он ни разу не видел) следов его личного участия нет. Вверенными губерниями Зубов «управлял», не выезжая за пределы дворцовых резиденций – его доклады и распоряжения были основаны на соответствующих рапортах и предложениях губернаторов.

Камер-фурьерские журналы 1790-х гг. свидетельствуют, что значительную часть дня (по утрам, во время обеда, на «выходах», дежурствах в качестве генерал-адъютанта, в «вечеровые часы») Зубов проводил в обществе императрицы. С лета 1789 г. он занял место в Зимнем дворце под личными покоем императрицы в юго-восточном угловом ризалите здания, выходящем на Дворцовую площадь – традиционную «жилплощадь» фаворитов со времен Григория Орлова. Выход из настоящей, непарадной спальни импе-

⁸ Письма императрицы Екатерины II к графу П.В. Завадовскому (1775–1777) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 249.

⁹ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., [1796]. С. 6, 120, 122.

ратрицы вел «в кабинет и зеркальную комнату, из которой один ход в нижние покои», – отмечал в записках начальник канцелярии Зубова Адриан Грибовский⁹. Таким образом, фаворит мог, минуя приемные с кавалергардской стражей, по своей лестнице подняться с «низу» в «зеркальную» комнату (нынешний зал французского искусства XVI–XVII вв. Эрмитажа. – *И. К.*) государыни, где она обычно по утрам читала, писала указы и письма. Иногда и сама императрица ходила к себе наверх через его комнаты.

Свои апартаменты имелись у фаворита и в Царском Селе – любимой летней резиденции императрицы. Для нее был построен в 1779–1785 гг. особый флигель; покои Екатерины на втором этаже выходили на Камеронову галерею. В нижнем этаже по очереди размещались фавориты – Потемкин, Ланской, Дмитриев-Мамонов и Зубов, по имени которого корпус получил название Зубовского. Однако Платон Александрович занимал и комнаты на втором этаже; имел он и свой выход во двор – «зубовский подъезд».

Камер-фурьерские журналы постоянно отмечают Платона Александровича приглашенным на обед императрицы, вплоть до того, что они иногда особо отмечали его отсутствие.

Годы	Зимний дворец/ Эрмитаж	Таврический дворец	Царское село	Всего
1792	161	4	91	256
1793	152	11	90	253
1794	154	45	75	274
1795	109	87	63	259
1796 ¹⁰	48	?	?	112

Подсчеты не полны: на самом деле фаворит присутствовал на трапезах чаще – просто по праздничным или особенно торжественным случаям парадных обедов журнал поименно фиксировал только лиц, присутствовавших «сверх свиты».

⁹ Екатерина II. Искусство управлять... С. 260; Зимний дворец. Очерки жизни императорской резиденции. СПб., 2000. Т. 1. С. 50–51.

¹⁰ Снижение количества упоминаний Зубова и прочих персон при «большом» дворе в данном году объясняется тем, что записи часто (особенно в январе–феврале) сделаны по журналу великого князя Александра и сообщают именно о событиях при его дворе; записи за август полностью отсутствуют, вследствие чего неизвестна дата отбытия императрицы со свитой из Царского Села в Таврический дворец.

Зубов, в отличие от предшественников (Орловых, Потемкина, Ланского), не получал ни «пенсии», ни денежных выдач, ни вотчин. Очевидно, он благоразумно и не просил, а Екатерина имела возможность убедиться в бескорыстной привязанности избранника. Царский подарок она сделала фавориту только в августе 1795 г.: из розданных в этот день 110 тысяч душ Платону Александровичу досталось больше всех – ему была дарована «Шавельская экономия» в Литве с 13 669 «душами». Когда было решено сделать Шавель (нынешний Шяуляй) уездным городом, Екатерина в октябре того же года компенсировала эту потерю, пожаловав Зубову Юрбургское староство (нынешний город Юрбаркас с округой) с его 1784 душами¹¹.

При жизни Екатерины Зубов там не бывал. Он постоянно жил во дворце и состоял на прямом содержании государыни – ее «комнатной суммы». Видимо, по этой причине документы Кабинета не отражают отдельные расходы на него в виде «пенсии» или иных пожалований. В 1795 г. ломавший голову над тем, как сократить расходы двора, граф А.А. Безбородко сокрушался, что содержание (квартира и «стол») во дворце для приближенных Екатерины (графини Браницкой и Н.И. Салтыкова) обходятся в сумму около 200 тысяч руб. в год¹² – едва ли Платон Александрович «стоил» дешевле. Только 20 апреля 1796 г. императрица приказала персонально выдать Зубову «во уважение отличных трудов его на пользу службы» 100 тысяч рублей. Но эту милость можно считать простым подарком: в былое время Григорий Орлов ежегодно получал по 100 000 руб. на день рождения, а Потемкин – по 75 000 «пенсии», в получении которого аккуратно расписывался.

Должность генерал-адъютанта была почетной не только в смысле желанной, но и для многих знатных и чиновных лиц недостижимой чести быть допущенными «за кавалергардов» в личные апартаменты государыни. Носители этого звания имели право передавать любым лицам и инстанциям устные «повеления» монарха, которые, заметим, не всегда нуждались в огласке и требовали безусловного повиновения облеченному высочайшим доверием вестнику. В этом качестве фаворит исполнял служебные обязанности – дежурил (обычно по неделе) в покоях государыни на равных с коллегами – заслуженными военачальниками и государственными мужами.

¹¹ ПСЗРИ. Т. 23. № 17397.

¹² *Григорович Н.И.* Канцлер, князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. Т. 2 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 29 // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 2. С. 291.

В 1793 г. Платон Александрович состоял дежурным 15 раз. Но в 1794 г. он дежурил больше всех – 25 раз; его коллега П.Б. Пассек – 21 раз, Ф.Е. Ангальт – 5, И.П. Салтыков – 2, одного из них по болезни его заменял Зубов. В 1795 г. Зубов опять состоял на дежурстве полгода (26 раз), и сменял его только один Пассек¹³. Большинство записанных в журналы «повелений» касалось дворцовых дел: сборов и переездов, назначения аудиенций, выдачи денег, приказов караулам, указаний по дворцовому ведомству; объявлялись повышения в чинах и выпуски в армию гвардейцев и пажей. В иной день генерал-адъютант передавал несколько подобных указаний; в другие – особенно летом в Царском Селе – их могло и не быть, и дежурные отмечали: «ничего не писано».

Еще одной придворной обязанностью Зубова стало формальное командование корпусом кавалергардов: «шеф» подписывал приказы о производстве подчиненных в очередной чин, об изменении «оклада»-жалования, о «выключке» их к статским делам или в отставку «на свое пропитание» – более серьезных происшествий приказы не содержат; повседневной же караульной службой кавалергардов ведал их вахмистр – генерал-майор Василий Зайцев¹⁴.

Как генерал-адъютант, Зубов «представлял» императрице допущенных к аудиенции особ – иностранных вояжеров, отличившихся военных или важных гостей – таких, как депутаты польской Тарговицкой конфедерации или принц д'Артуа – младший брат казненного Людовика XVI. Или экзотических восточных персонажей – мурзу Ногайской орды Баязета, крымского «султана» Махмет-Гирея и пленного турецкого Батал-пашу, захваченного в сражении на Кубани в 1790 г.

Вместе с фаворитом Екатерина переезжала из Зимнего дворца в Таврический, в Петергоф и в Царское Село; отправлялась в гости на приморские «дачи» вельмож; «прогуливалась» на шлюпках по Неве и в карете по улицам столицы. В Царском Селе они вместе плавали на лодках по прудам, катались по аллеям в царском фаэтоне, за которым двигались «таратайки» со свитой. Иногда государыня предпринимала дальние прогулки в каретах – вокруг Царского Села, по «павловской» или «по петербургской дороге до Пулковской слободы»¹⁵.

¹³ РГИА. Ф. 439. Оп. 1. № 59. Л. 1–107; № 61. Л. 1–116об.; № 62. Л. 1–114об.

¹⁴ РГВИА. Ф. 33. Оп. 1. № 270. Л. 1–13.

¹⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1789 года. СПб., 1888. С. 352, 355, 356–358; Там же. 1790 г. СПб., 1889. С. 158, 191, 260; Там же. 1791 г. СПб., 1890. С. 285, 414–415, 445, 462, 476, 485, 533, 538–539, 557, 563–564, 569–570, 668–669; Там же. 1792 г. СПб., 1892. С. 132–133, 201, 424, 465; Там же. 1793 г. СПб., 1892. С. 261–262, 362–363, 619, 626, 641, 701; Там же. 1795 г. СПб., 1894. С. 420–421, 439–440, 529–530, 627, 672, 692, 738; Там же. 1796 г. СПб., 1896. С. 288, 396, 498, 639.

Зимой императрица выезжала редко. Но летом любила гулять по царскосельскому парку – могла обойти весь немалый пруд или выйти за Гатчинские (Орловские) ворота по трассе водовода – «Боурова канала». Во время таких прогулок случались игры с участием молодых придворных: «В хорошие вечера государыня гуляла со всем двором в саду и, возвратясь с прогулки, садилась на скамейке против монумента Румянцева. Здесь начиналась игра *a la guette*, или, как называли, в «знамена». Кавалеры и фрейлины разделялись на две партии: одна становилась у дворца, другая к стороне концертной залы. У каждой было свое знамя; кто отбивал знамя, тот одерживал победу. Арбитром был князь Барятинский; он садился на ступеньки монумента. «*Attention, messieurs!*» – кричал он, и игра начиналась, бегали, ловили друг друга, употребляли все хитрости, чтобы отбить знамя. В этой игре князь Зубов и камергер М. П. (Николай Михайлович Мусин-Пушкин. – *И. К.*) отличались. Быстрее их никто не бегал»¹⁶.

Наиболее престижным было право посещения собственных покоев императрицы в вечернее время. Большие собрания (включавшие 150 и более гостей) обычно заканчивались балом и ужином; иногда императрица устраивала маскарад. На эрмитажных собраниях приглашенные были зрителями и критиками театральных постановок в Эрмитажном театре. Там же устраивались любительские представления и камерные концерты; присутствующие обсуждали игру музыкантов и актеров, и сами состязались в сочинении стихотворных экспромтов¹⁷.

В более узкой компании играли в разные игры, в которых принимала иногда участие сама государыня, окончив партию в карты – «пели святочные песни, хоронили золото, играли в фанты, в веревочку», а то и в прятки. Играли любительские спектакли, где актерами выступали придворные дамы и кавалеры. Главным же достоинством «эрмитажа» была свобода от этикета, когда в зрительном зале и за столом гости могли общаться на равных. В Царском Селе вечера в узком кругу проходили еще более непринужденно – государыня «благоволила некоторое время препроводить в разговорах на колоннаде, потом гулять по саду, а напоследок в Арабеско-

¹⁶ Брусилов Н.П. Воспоминания // Исторический вестник. 1893. № 4. С. 57.

¹⁷ Скопцова Е.А. Дискурсивный анализ эрмитажных собраний Екатерины II // Гуманитарий: альманах о человеке, гуманитарной науке и образовании: научный ежегодник Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. Саранск, 2013. № 2 (22). С. 117–123.

вой комнате до 10-ти часов вечера ж играть в шахматы» – в 1792–1793 гг. Екатерина предпочитала картам именно эту игру. Иногда журналы особо отмечают, что фаворит в «вечеровое время» играл с государыней «в карамболь» на билиарде; составлял ей партию за карточным столом в бостон, вист или рокамболь; «князь Зубов и старик Ч. (камергер Е.А. Чертков. – *И. К.*) составляли всегдашнюю ее партию, четвертый [партнер] переменился»¹⁸. Зубов также «проводил» Екатерину на официальных выходах, визитах в «вольный маскарад» или прогулках в «зверинец»¹⁹.

Перечисленные занятия требовали светского лоска, безупречного французского языка, танцевального мастерства – Зубову случалось открывать бал в паре с великими князьями. И главного: умения – ежедневно, годами – быть интересным и обаятельным кавалером, чтобы не наскучить своей непростой даме. Платону Александровичу пригодились музыкальные способности: фаворит играл на скрипке на дворцовых концертах вместе с великим князем Александром, а на его «ужинах» с избранными гостями «обыкновенно исполнялась самая превосходная музыка»²⁰.

Получается, что значительную часть времени фаворита занимало светское общение. Однако уже в 1792 г. для порученных любимцу дел была создана особая канцелярия – подобной структуры у предшествовавших молодых любимцев не было. Правителем дел ее стал ровесник фаворита, способный делец и сочинитель подполковник А.М. Грибовский.

О повседневной работе фаворита можно судить по сводным документам его канцелярии. Годовые журналы именных указов и рескриптов должностным лицам, а также журналы «объявлений» через Зубова императорских «имянных повелений» включали каждый от 100 до 500 указов о чинопроизводстве военных и статских чиновников, об их отпуске или увольнении, о награждении орденами, о назначении к должности, прежде всего во вновь открываемых в ходе разделов Польши губерниях. Реже встречаются повеления о выдаче денежных сумм, решения по делам о наслед-

¹⁸ Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000. С. 72; Брусилов Н.П. Указ. соч. С. 56–57.

¹⁹ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1790 г. СПб., 1889. С. 242; Там же. 1791 г. СПб., 1890. С. 80, 357, 573; Там же. 1795 г. СПб., 1894. С. 68, 79, 416, 429, 454, 489, 657, 690, 697, 699, 756, 826, 845, 1000.

²⁰ Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796) // Сборник РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 621–622; Бумаги князя Н.В. Репнина во время управления его Литвою // Сборник РИО. СПб., 1875. Т. 16. С. 295.

стве или личные императорские пожалования – все эти документы аналогичны подобным же, выходящим из канцелярий других статс-секретарей.

Но имелись и некоторые отличия. Вошли в обычай визиты столичного общества к фавориту при его «торжественном вставании»:

Ежедневно, около одиннадцати часов утра, происходил «выход» в буквальном смысле этого слова. Огромная толпа просителей и придворных всех рангов собиралась, чтобы присутствовать при туалете графа... Обе половины дверей растворялись. Зубов входил в халате, едва одетый в нижнее белье. Легким кивком головы приветствовал он просителей и придворных, стоявших почтительно вокруг, и принимался за совершение туалета. Камердинеры подходили к нему, чтобы зачесать и напудрить волосы. В это время появлялись все новые и новые просители. Они также удостоивались чести получить кивок головы, когда граф замечал кого-нибудь из них. Все со вниманием следили за мгновением, когда взгляд их встретится с его взглядом. Мы принадлежали к числу тех, которые встречались всегда благосклонной улыбкой. Все стояли, никто не смел произнести ни одного слова. Каждый вручал свои интересы всемогущему фавориту в немой сцене, красноречивым молчанием. Никто, повторяю, не раскрывал рта, разве что сам граф обращался к кому-нибудь с каким-либо словом, но никогда по поводу просьбы. Часто граф не произносил ни одного слова, и я не помню, чтобы когда-нибудь он предложил кому-либо сесть, исключая фельдмаршала Салтыкова, который был первым лицом при дворе и, как говорят, устроил карьеру Зубовых... Обыкновенно, в то время, когда Зубова причесывали, секретарь его, Грибовский, подавал ему бумаги для подписи... По окончании прически, подписав несколько бумаг, граф одевал мундир или сюртук и удалялся в свои покои.

Так описал эту процедуру будущий министр Александра I, а в 1795 г. – молодой польский аристократ Адам Чарторыйский²¹. «Грубая и возмутительная гордость» фаворита обижала честолюбцев, но не мешала им стоять в «презренной толпе» в его передней.

Все вышеописанное важно не только для характеристики придворного «обхождения». За церемонией скрывался механизм главной «работы» фаворита в качестве «предстателя» по многочисленным прошениям.

²¹ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1912. Т. 1. С. 51, 53–54.

День императрицы начинался рано:

Государыня в Зимнем дворце вставала в 7 часов и до 9-ти занималась в зеркальном кабинете по большей части сочинением устава для Сената (я говорю о том времени, когда я при ее величестве находился); в 10-м часу выходила в спальню... В сие время дожидались в уборной все имевшие дела для доклада. Здесь и появлялся из своих апартаментов в нижнем этаже фаворит; как скоро показывался граф П.А. Зубов, то каждый из нас (прибывших с докладами статс-секретарей – И. К.) немедленно в уборную выходил. В сие время П. А. имел на себе утреннее платье: шелковый сюртук цветной, вышитый по краям широким из блестков шитьем, белые атласные панталоны и зеленые полусапожки. Волосы были не причесаны. Приходил же всегда с заготовленными к подписанию бумагами²².

Отметим важную особенность: фаворит являлся с бумагами к Екатерине в промежутке между 10 и 11 часами, т. е. *до своего официального «пробуждения»* и явления посетителям уже в своей приемной. Таким образом, к моменту собственного «выхода» он успевал побывать у государыни и получал высочайшие решения, которые мог объявить просителям.

Наиболее важными для понимания роли фаворита в правительственном механизме считались «разные дела по особой доверенности от императрицы», в том числе «награды деревнями, деньгами, пенсиями, чинами, орденами и проч.; всеподданнейшие прошения от частных лиц по тяжбыным и уголовным делам. По всем сим предметам заготавлиемы были в канцелярии князя Зубова доклады, указы и грамоты и через него подносились на высочайшее усмотрение и подписание»²³.

На имя Зубова поступало огромное количество прошений самого разного рода – важно, что большинство из их авторов рассчитывали на не предусмотренную законами высочайшую милость при посредничестве фаворита. На его влияние надеялись самые высокопоставленные лица. Действительный тайный советник и вице-канцлер, формальный глава Коллегии иностранных дел граф Иван Андреевич Остерман 13 февраля 1794 г. обратился к Зубову с прошением:

Вашему сиятельству известно в сколь заботливом нахожусь я положении от долгов моих, простирающихся до 360 000 руб. и которые не могли не возрасти до такого количества, когда при недостатке доходов моих на необходимые расходы надлежало те же доходы обращать

²² Екатерина II. Искусство управлять... С. 263, 277.

²³ Там же. С. 283–284.

и на платеж процентов А как в том числе должен я Государственному заемному банку на восемь лет 208 000 руб., в коих заложено все мое недвижимое имение, кроме одних домов, и платежа сей суммы наступают сроки в настоящем 1794 году, то я и не преминул решиться с графом Петром Васильевичем Завадовским о нужной мне на тоlikое же время отсрочке, но его сиятельство отозвался мне, что таковой отсрочки сам собою без высочайшего повеления сделать и без внесения мною всего капитала займа сего возобновить не сможет. Не находя способа промыслить теперь столь знатной суммы и не будучи в состоянии к срокам заплатить ее иначе как весьма поспешною, следовательно же и разорительною для меня продажею недвижимого имения моего, осмелился я прибегнуть милосердию монаршему²⁴.

Граф объяснял, что взять денег ему негде – он уже заложил все свои 4250 душ; супруга сделала то же со своими придаными 950-ю душами и имеет долгу 38 тысяч, а его брат – генерал Федор – сам должен банку 246 тысяч руб.

Вице-канцлер был не единственным такого рода просителем: генерал-прокурору А.Н. Самойлову нужно было уплатить огромный долг в 350 тысяч руб., а бывший посланник в Париже князь И.С. Барятинский просил одолжить ему 100 тысяч рублей из казны сроком на 10 или 20 лет.

Даже имевшие прямой доступ к императрице придворные предпочитали действовать при посредстве фаворита: через него камергер Николай Петрович Шереметев просил об отпуске, а старый обер-гофмаршал, вхожий в ближайший круг Екатерины, Григорий Никитич Орлов – о своей отставке²⁵. Генерал-аншеф В.П. Мусин-Пушкин рассчитывал таким образом сделать своего зятя-адъютанта Павла Щербатова герольдмейстером²⁶.

Иные зывали о помощи: «Четвертый год обливаюсь слезами раскаяния», — пытался разжалобить сосланный по делу Н.И. Новикова в деревню бывший глава московских масонов князь Николай Никитич Трубецкой. О чине тайного советника «слезно» бил челом в 1794 г. «обойденный» им поэт и куратор Московского университета Михаил Херасков. Последний догадывался о «чаемом гневе» императрицы (они с Трубецким были масонами и братьями по матери), но все же рассчитывал на свои ученые и литературные заслуги²⁷.

²⁴ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1337. Л. 45–45об.

²⁵ См.: Там же. № 1275. Л. 1; № 812. Л. 1–1об.

²⁶ См.: Там же. № 726. Л. 1–3.

²⁷ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 966. Л. 48–49; Ф. 193. Оп. 1. № 1214. Л. 1–1об.

«Исторгните меня и невинную семью мою из пропасти, в которую я их ввергнул», – писал к Зубову управлявший столичной конторой крис-комиссариата граф Петр Андреевич Толстой. Генерал-майор признавался, что честно прослужил 37 лет, но по дороговизне столичной жизни принужден был «прикоснуться к казне, мне вверенной» (для убедительности Толстой представил список своих семерых детей); покрыть же недостачу не мог. Как показало открывшееся следствие, граф «прикоснулся» к казенным деньгам на сумму в 40 500 руб., из которых 23 525 руб. все же вернул – и теперь молил Зубова быть «ходатаем»²⁸.

Скульптор Федот Шубин просил предоставить ему место профессора на казенном жаловании в Академии художеств, которого не получил, даже несмотря на рекомендацию Потемкина²⁹. Генерал-поручика П.Ф. Талызина его адъютант обвинил в растрате «экстраординарной суммы». Генерал послал Зубову документы, «служащие к моему оправданию», был отставлен «с полным жалованием» и вновь обратился с просьбой: испытывает он «безпокойство духа и томление сердца», а потому просит об ордене св. Владимира I степени как «свидетельстве моей правоты»³⁰. Еще один «невинно страждущий», генерал-майор князь П.П. Долгоруков, в 1796 г. был уволен в отставку с поста московского губернатора, жаловался на «злощастие и невообразимую бедность» и умолял о «хлебе насущном» – «хотя бы определения в губернаторы в растроеныя Вятскую и Казанскую губернию»³¹.

Французские дворяне-эмигранты просили о зачислении на российскую службу³², а представители польской знати – о возмещении убытков и возвращении конфискованных или секвестрованных после восстания 1794 года имений³³. Наряду с ними к фавориту обращались из разных мест сотни людей попроще с челобитными о награждении, прощении, чинах, отпуске, должности, жалованье, пенсии, определении детей в учебные заведения, «представлении ее императорскому величеству», протекции...

²⁸ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1097. Л. 1–2, 3, 4; РГИА. Ф. 1345. Оп. 98. № 159. Л. 2–3об.

²⁹ РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 1302. Л. 1–2.

³⁰ См.: Там же. № 1100. Л. 1, 2–2об.

³¹ См.: Там же. № 356. Л. 1.

³² См.: Там же. № 27, 60, 72, 86, 90, 91, 106, 125, 128, 144, 147, 148, 151, 167, 170, 171, 249, 255, 282, 306, 346, 348, 463, 574, 578, 596, 609, 708, 713, 717, 829, 1064, 1071, 1093, 1102, 1287, 1288.

³³ См.: Там же. № 81, 115, 126, 133, 182, 199, 246, 270, 381, 311, 384, 396, 406, 441, 476, 477, 614, 616, 634, 705, 706, 710, 788, 850, 858, 859, 878, 889, 912, 921, 932, 949, 973, 998, 1237, 1240.

Бригадир И.И. Русанов претендовал на награду «деревнями» и место в Военной коллегии по уважительным причинам долгов, «неисцелного ревматизма» и «худого состояния моего хозяйства»³⁴. Совестьный судья из Орла Дмитрий Боборыкин просил о новом чине. «Безвинно» уволенный из Воспитательного дома коллежский асессор Дмитрий Кривцов – об «определении к месту» с приложением похвального аттестата о своем «благородном поведении». Бедный подканцелярист Иван Язов мечтал, чтобы «его сиятельство» помог ему обрести должность в Новгородском наместничестве³⁵. «Угнетенный несчастным жребием» Николай Баландин жаловался, что выслужил в титулярных советниках 11 лет, но не может получить желанный чин асессора: «без доказательства на дворянство нельзя дать мне чина», но все же рассчитывал на исключение с «доклада» государыне³⁶.

Обращались и совсем уж невезучие. Подпоручик Михаил Агеев был «за ранами» уволен, но пенсии выслужить не успел и просил только денег на дорогу в свое «отечество» – городок Валуйки³⁷. Раненный «в 6 местах» капрал морской артиллерии Иван Андреев подобную милость в размере 50 рублей от Зубова получил. Однако по дороге домой с попутным офицером, если верить его челобитной, где-то во время остановки заснул на печке, по пробуждении спутников не нашел и остался на большой дороге – скорее всего, загулял до бесчувствия, ибо о выданных деньгах деликатно не упоминал. Неведомо как добрался обратно в Петербург, и теперь опять просил о помощи «многомилосердного и щедрого отца», ибо у него «и рубахи нет»³⁸.

Далее начиналось не оставлявшее в источниках следов таинство работы фаворита: чье прошение рассмотреть в первую очередь, что – придержать, а что можно оставить без внимания; понять, за кого замолвить слово и как будет воспринято то или иное прошение.

Если дело представлялось не важным, оно передавалось секретарю. Так вышло с прошением советника уфимского губернского правления Д.Б. Мертваго. Провинциальный чиновник приехал просить за мужа своей сестры, сосланного за незаконное присвоение капитанского чина. Мертваго смог подать прошение, и Екате-

³⁴ См.: Там же. Ф. 11. Оп. 1. № 966. Л. 28–29.

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 193. Оп. 1. № 116. Л. 1–2; № 1337. Л. 5–7; № 1097. Л. 1; № 1319. Л. 1–2.

³⁶ См.: Там же. № 66. Л. 1–2об.

³⁷ См.: Там же. № 2. Л. 1.

³⁸ См.: Там же. № 20. Л. 1–1об.

рина «приказала мне объявить, что простит моего зятя при первом торжестве», но за множеством дел забыла – как, наверное, случилось и с другими. Только с помощью Державина Грибовский через месяц вновь доложил, но не слишком удачно:

Императрица в этот раз не была милостива, говорила, что она почитает людей, наказанных как Чичагов, исключенными из общества, предвидит, что ее будут просить о дозволении вступить ему вновь в службу и производить в чины, чего она не хочет. Кончилось тем, что она простила Чичагова; но в указе придала дополнить, чтобы в службу его не определять и не иметь ему въезда в обе столицы³⁹.

Слишком многое зависело от случая, в том числе и от того, когда чья-то просьба оказывалась не ко времени или попадала под горячую руку.

Иначе обстояло дело, если фаворит занимался им лично. Сохранившиеся фрагменты делопроизводства зубовской канцелярии дают представление о том, как в таком случае оформлялись решения. 31 октября 1796 г. Платон Александрович подал государыне три представления – о пожаловании коллежскому асессору казенной палаты «своей» Вознесенской губернии Еригорову ордена св. Владимира IV степени за «приглашение» в причерноморские степи государственных крестьян из Тульской и Калужской губерний; о награждении чином и двумя тысячами руб. венецианского моряка Лоренцо Алеандри, и о новом чине и выдаче 500 десятин в Крыму подпоручику Петру Стоя⁴⁰. По подобным представлениям получалось согласие императрицы, и на его основании подчиненные Зубова составляли проекты указов, которые подавались императрице в ходе утренних визитов фаворита. Несколько чистовых экземпляров таких указов на имя Зубова также дошли до нас готовыми «к подписанию»⁴¹. Но скоропостижная смерть государыни остановила процесс; вступивший на престол Павел заготовленные указы не подписал, а поданные от Зубова три названные выше представления повелел «оставить без всякого уважения».

Но и при Екатерине фаворит был не всемогущ. Когда фельд-маршал П.А. Румянцев попросил «отличия» для генерал-майора князя Павла Дашкова, то Платон Александрович отвечал, что у императрицы в отношении Дашкова есть «предубеждения по командованию Сибирским гренадерским полком, что на сей раз раз-

³⁹ *Мертваго Д.Б.* Записки (1760–1824). СПб., 2006. С. 67.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 55265. Л. 2-3, 4-5, 6–6об.

⁴¹ Там же. № 55266. Л. 1–11.

рушило все стремления мои»⁴². Екатерина была не в лучших отношениях с матерью генерала – строптивой статс-дамой Екатериной Дашковой, а его самого, своего крестника, считала «простаком и пьяницей», женившимся без разрешения на купеческой дочери.

В итоге милости дозировались, и не всегда, спустя двести с лишним лет, можно понять, почему одни просители оказывались «удовольствованными», а другие нет. Учителю великого князя Александра Фредерику Лагарпу Zubov обеспечил милостивый разговор с императрицей о его награждении. Но у государыни на Лагарпа имелись свои виды – склонить ученика к принятию трона в обход отца⁴³. Армейский секунд-майор Иван Калагеорги (состоявший при великом князе Константине учителем греческого языка) благодарил Платона Александровича за то, что тот подал ему надежду на счастливый брак. Однако речь шла не о счастье офицера, а о судьбе «настоящей дочери князя Потемкина» – Елизаветы Темкиной (или Темлицыной) – возможно, дочери самой Екатерины⁴⁴.

Федот Шубин был избран профессором Академии художеств, но без жалования. В челобитной Павлу I мастер указал, что хотя деньги «от князя Зубова выдать мне обещано», он по-прежнему жил «без всякого жалования, имея жену и шестерых детей, в содержании какового семейства чувствую себя невозможным»⁴⁵. За М.М. Хераскова ходатайствовал обер-камергер И.И. Шувалов, но поэт и куратор Московского университета так и не получил просимого чина тайного советника, а Н.Н. Трубецкой – освобождения из ссылки: оба были скомпрометированы в глазах императрицы масонским прошлым. Зато повезло бывшему вахмистру Конной гвардии Терентию Федорову (не лично ли знакомому конногвардейцу Зубову?) – фаворит попросил пермского и тобольского генерал-губернатора А.А. Волкова устроить служивого «присяжным», и тот перевел его прямо в сибирскую столицу Тобольск⁴⁶.

«Журналы партикулярным письмам» П.А. Зубова 1793–1796 гг. содержат десятки его посланий командующим корпусов, генерал-прокурору и генерал-губернаторам с просьбами о протекции «препоручаемому в вашу милость» лицу с характерной зубовской аттестацией – «по расторопности и хорошему поведению». Так, в журнале 1795 г. из 101 письма фаворита администраторам раз-

⁴² ОР РГБ. Ф. 255. Картон 3. № 11. Л. 16об.

⁴³ Император Александр I и Фредерик Сезар Лагарп: Письма. Документы: В 3 т. Т. 1. М., 2014. С. 255.

⁴⁴ Болотина Н.Ю. Указ. соч. С. 181–182.

⁴⁵ Исаков С.К. Федот Шубин. М., 1938. С. 81–82.

⁴⁶ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 56155. Л. 88об.

личного уровня в тридцати восьми Платон Александрович рекомендует лиц, по той или иной причине обративших на себя его внимание. Директора императорских театров и фарфоровой мануфактуры Н.Б. Юсупова он просит трудоустроить регистратора Попова и подканцеляриста Язева соответственно бухгалтером в театр и к делам на «фарфоровый завод»; о том же Попове он пишет и директору Ассигнационного банка П.В. Мятлеву. Н.В. Репнину он рекомендует капитана Саева «из штата моего» и «давно мне знакомого» Николая Волкова. Орловскому и курскому наместнику генерал-поручику А.А. Беклешову он напоминает о «благодарности» к служившему у Зубова подполковнику Хитрово – у того в имении мужики отказались платить оброк, и надо привести их в повиновение владельцу.

Курляндскому губернатору П.А. Палену фаворит напоминал о выдаче аренды мужу графини Дюкер. П.В. Завадовскому он писал о принятии в «общество благородных девиц» дочь служившего у него полковника Михайлова; Т.И. Тутолмину – о покровительстве когда-то служившему у фаворита, а теперь занимавшему пост директора таможни П. Гарновскому; к вице-адмиралу О.М. де Рибасу – о «попечении» о лейтенанте флота Лемане. К минскому губернатору И.Н. Неплюеву – о помощи графу Минуцию, имение которого было разграблено «бунтовщиками», к Н.В. Репнину – о поддержке в «судебном деле» графа Виельгорского; к астраханскому губернатору П.М. Скаржинскому – о покровительстве прапорщику Б. Манголову; к тобольскому и пермскому генерал-губернатору А.А. Волкову – о «благодарности» к родственнику, подполковнику Николаю Зубову. Находившемуся в покоренной Польше А.В. Суворову – о «вспоможении» некоему Модзелецкому, госпоже Яблоновской, графу Залускому; его же Зубов просил пристроить обер-провиантмейстера Грибовского, «в участи которого я принимаю участие»⁴⁷.

Такой же журнал следующего, 1796 г.⁴⁸, содержит 42 рекомендации о протекции – с конкретными указаниями о «препоручении в милость», «отвести деревни», предоставить «место», содействовать «в настоящем его искании». Президенту Военной коллегии Н.И. Салтыкову адресовано послание о награждении чином капитана Станилевича; командиру гвардейского Преображенского полка Н.А. Татищеву – о принятии в строй двух юных крымских мурз: Булат-бея и Мустафы-бея; московскому главнокомандующему М.М. Измайлову – о покровительстве артисту «виртуозу Жардини»; Суворову – о принятии на службу полковника Фриза и секунд-майора Жегулина.

⁴⁷ См.: РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. № 65057. Л. 4–5, 6, 6об., 7, 8–8об., 9–9об., 10–11, 11об. – 12, 15–15об., 18об., 26–26об., 39об., 41, 42, 44–44об., 60–61об., 62.

⁴⁸ См.: Там же. № 65550. Л. 1–50об.

Заключение

Осмысливая поток челобитных, можно согласиться с мнением о том, что окружение императрицы и более широкий круг представителей благородного сословия не очень верили в торжественно провозглашенные законы своей государыни и потому «уповали только на высочайшую милость и протекцию фаворита»⁴⁹. Но в делах служебных, как и в личных коллизиях правящей верхушки, последнее слово оставалось за императрицей. А при назначении на службу и оказании протекции людям незначительным фаворит мог проявить самостоятельность и осознавать свою реальную значимость.

В глазах света Зубов был, безусловно, «велик». Апартаменты фаворита стали неформальным «отделом кадров» по трудоустройству или содействию решению жизненных проблем. Но в реальной политике его «департамент» исполнял роль еще одной статс-секретарской канцелярии по оперативной связи монарха с военными и гражданскими деятелями и «принятию прошений», пусть и с более широкими возможностями, чем у «штатных» коллег, что можно считать не расцветом, а, скорее, закатом фаворитизма как особого неформального механизма высшего управления.

Информация об авторе

Игорь В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kurukin@mail.ru

Information about the author

Igor' V. Kurukin, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; kurukin@mail.ru

⁴⁹ *Марасинова Е.Н.* Закон и гражданин (к истории политического сознания в России второй половины XVIII в.) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. М., 2012. С. 300–301.